

Э.А. Синецкая

ИБ РАН

Суицид как знаковое явление среди молодых жителей Шанхая

Социально-психологическое состояние общества – очень важная характеристика действительности. Если обратиться к древней идеологии, то считалось, что император правил по мандату Неба, но «Небо слышит ушами народа и видит глазами народа». Не исключено, что одной из причин сбора чиновниками Музыкального юаня по всему Китаю песен и частушек являлось желание двора «знать об успехах и неудачах в управлении и воспитании народа» [3, с. IV], знать настроения и ощущения народа, возможно, с целью определения своих дальнейших шагов. Социально-психологическое состояние общества – не что иное, как преломление в психике людей общего состояния этого конкретного общества¹.

Отражением этого самого социально-психологического состояния общества в современном Китае является, в том числе ставшее весьма знаковым явление – суицид. Самоубийство, или суицид, существует столько же, сколько сам род человеческий². Об одном из аспектов этого явления в Китае писал В.Ц. Головачёв в статье «Самоубийство как обычай и ритуал в традиционном Китае». Он раскрыл тему применительно к традиционному обществу (и не только Китая), когда акт лишения себя жизни совершался преимущественно по предписанию той социальной роли, которая была основной для индивида в соответствующий момент [7].

О иной уже социо-культурной среде, о современном Китае, в котором суицид перестаёт быть ритуальным и становится выражением воли совершающего самоубийство человека, говорится в статье О. Почагиной [13]. Наиболее распространённые причины, создающие всегда и везде суицидальные ситуации (тяжёлые условия жизни, бедность, низкий социальный статус, конфликты в семье и тому подобное) продолжают действовать и сейчас, но О. Почагина подчёркивает, что они иначе присутствуют в различных социальных средах (например, крестьянство и горожане, мужчины и женщины, молодые и иного возраста люди, представители разных профессиональных и конфессиональных групп), и, следует признать, появляются и иные причины добровольного ухода человека из жизни.

© Синецкая Э.А., 2010

Вновь обращаюсь к литературному произведению как источнику. Согласно сведениям Энциклопедии «Кругосвет», каждое языковое произведение неограниченной длины является текстом, а по утверждению Умберто Эко, любой текст можно включить в более широкий контекст и вывести событие, описанное в нём, на более высокий уровень обобщения [18, с. 305]. В качестве обоснования правомерности выбора такого источника, как современный женский роман, укажу статью В.А. Бачинина «Петербург – Москва – Петушки, или “Записки из подполья” как русский философский жанр»³ [2, с. 182 и далее].

Я вновь обращаюсь к нашумевшим романам Чжоу Вэйхуй, пишущей под псевдонимом Вэй Хуй (в русском варианте – Вэй Хой), ибо нахожу в них много интересного, что, на мой взгляд, имеет право быть осмысленным. Начав читать роман «Шанхай баобэй», я не могла не удивиться, что объясняя своё преклонение перед Генри Миллером (которого называет своим духовным отцом, духовным наставником – *фуцин*) и Коко Шанель, героиня – Коко (называемая так друзьями, знающими, что она боготворит эту женщину) – не в последнюю очередь уделяет внимание тому, что они, эти её кумиры, смогли не только прославиться, но не менее существенно для Шанхайской Бэби – они, можно сказать, долгожители: Коко Шанель почти до 90 лет дожила, а Генри Миллер – до 89 лет.

Возникает вопрос, почему для 25-летней девушки (а возраст героини и автора практически одинаков) настолько значимо долголетие её кумиров? Можно, конечно, сказать, что почитание долгоживущих – исконно китайское явление, явление традиционалистской культуры вообще. Впрочем, практически в любых культурах отношение к старикам специфическое и неоднозначное. Ускорение тем или иным способом естественного процесса умирания, ряд обычаев, ритуалов, связанных с этим (во имя физического выживания потомков) бытовали у древних народов. (Это прекрасно показано в японском фильме «Легенда о Нараяме», где сын, сопротивляющийся этому обычаю всеми силами, однако, по настоянию самой матери относит её на закорках в горы умирать. На этот же эмоциональный, художественно выраженный пример ссылается и В.Ц. Головачёв в [7]). Одновременно, со стариками связаны мудрость рода, жизненный опыт, их почитают как знатоков и хранителей истории, они часто судьи последней инстанции; короче – к ним испытывают глубокое уважение. Это, однако, вовсе не исключает иногда полного игнорирования, особенно в современной суетной жизни, как близких, так и просто живущих рядом стариков и их проблем⁴.

Но в тексте «Шанхай баобэй» (и следующего романа этого автора – «Замужем за Буддой» тоже) есть некие поводы трактовать этот пиетет перед долгой жизнью и иначе. Роман «Шанхай баобэй» построен преимущественно на любовной истории героини и молодого китайца – от их знакомства до его смерти в результате суицида. Во втором романе («Замужем за Буддой») мы узнаём, что героиня в 24 года (примерно в том же возрасте) тоже пыталась покончить жизнь самоубийством, перерезав себе вены [4, с. 25].

В мире отмечается лидирующее положение Китая в общем количестве самоубийств, но в процентном отношении КНР относится к странам со

средним уровнем суицида⁵ [24]. Первый национальный обзор самоубийств в КНР от 2002 г.⁶ показал, что суицид в Китае стал теперь пятой по величине причиной смерти [34]. Но главное, по утверждению китайских медиков и социологов, суицид стал одной из главных причин смертности среди людей в возрасте от 15 до 34 лет [21]. Явление имеет тенденцию к росту [22], и при этом коэффициент распространённости суицида среди молодых намного выше, чем среди лиц среднего возраста [29], порождая в китайской прессе даже заявления о том, что «самоубийства губят молодежь Китая» [34] (хотя страна и по этому показателю в пересчёте на 100 тысяч населения является вовсе не лидирующей в мире [27]).

Действующие герои романов, о которых идёт речь, – люди определённого слоя среднего класса КНР. Следует при этом отметить, что ныне в китайской общественной мысли всё более утверждается идея о стратификации современного общества КНР [17, с. 33], то есть признаётся социальная неоднородность, расслоение общества, неодинаковость социального положения его членов, появление различных социальных групп в том ранее определяемом как класс социальном образовании. Что касается самого определения «средний класс» в КНР, то некоторые китайские социологи и экономисты вообще пришли к выводу, что средний класс скорее идеологическое, чем экономическое состояние. Авторитетный эксперт Чжан Ваньли выдвигает такие внеэкономические критерии среднего слоя, как определённый интеллектуальный капитал и профессиональная репутация, обладание технической квалификацией, нефизический характер труда, способность к трудоустройству, обладание высшим образованием, дефицитными на рынке труда профессиональными навыками, служебные полномочия. И лишь где-то в-пятых и в-шестых он упоминает уровень доходов и состояния, а также «способность обеспечить среднее личное и семейное потребление, предоставить необходимые материальные условия для удовлетворения высоких духовных и культурных потребностей членов семьи на основе разрешения проблемы обеспечения питанием и одеждой» [10, с. 15]. Видный российский учёный-востоковед Р.Г. Ланда практически также охарактеризовал «средние слои» Востока: это – лица, характеризующиеся не по отношению к «средствам производства, но по обладанию образованием, знаниями и квалификацией, необходимыми для организации, ориентации и удовлетворения потребностей экономической и духовной жизни современного общества» [12, с. 318]. Алексей Арбатов, выступая на XV съезде партии «Яблоко» и говоря о среднем классе, также подчеркнул, что о нём нужно судить «не по доходам, а по статусу», без расшифровки этого самого «статуса», но мне хотелось бы выделить, прежде всего, – «не по доходу»⁷.

В описываемых в романах случаях не играли роли наиболее распространённые суицидальные причины. Разговор идёт о людях обеспеченных, во всяком случае, не нуждающихся. Хотя ряд исследователей отрицает корреляцию уровня жизни и количество самоубийств [24], однако, Дюркгейм⁸, считающийся основоположником суицидологии, уже давно предсказывал, что в обществе с большими возможностями к переменам индивидуального благосостояния или статуса будет наблюдаться более

высокий уровень самоубийств, что ныне подтверждается исследованиями в области политической психологии [32].

Юноша Тяньтянь (в издании романа на русском языке – Тиан-Тиан) безбедно существовал на деньги мамы (имеющей в Испании рестораник) в купленной для него квартире с тремя спальнями (правда, отнюдь не в престижном районе); квартира была полностью обставлена, в том числе и всей современной аудио- и видеоаппаратурой. Если вдруг деньги заканчивались до поступления нового пенсионера, он тут же сообщал об этом телеграммой маме – и она столь же оперативно высылала дополнительную сумму. Денег хватало и на регулярные двухмесячные поездки в зимний период из Шанхая в более тёплые края, например, в Ханькоу (если не самолётом, то в спальном вагоне).

Хотя молодой человек нигде не работает, он, тем не менее, включён личными связями в ту социальную среду, которую составляют, прежде всего, представители так называемого нового-нового поколения жителей крупнейшего города Китая – Шанхая⁹. Эта молодёжь – преимущественно выпускники и учащиеся вузов, которых в мегаполисе чрезвычайно много. В силу особой восприимчивости и высокой социальной мобильности студенческой молодежи, возникновение новых ценностных ориентаций и девальвация прежних затронули эту переходную социальную группу в большей степени, чем другие слои общества [25]. Отметим, что высокий уровень образования снижает склонность к суициду; а самая опасная группа – люди с неполным средним образованием [24]. Наш же герой, хотя и бросил школу в старших классах, активно и результативно занимался самообразованием. Наиболее яркими, внешне наиболее заметными членами этого сообщества (если его можно определить таковым понятием) являются так называемые городские красавицы – выпускницы шанхайских вузов, в большинстве своём работающие в иностранных компаниях, многие из них не обременяют себя брачными узами. В это сообщество входят представители мелкого и среднего китайского бизнеса, иностранные студенты и иностранцы-менеджеры международных компаний.

Большой процент в этой социальной прослойке составляют, кроме традиционных деятелей культуры, представители таких профессий как дизайнеры, фотографы, стилисты, манекенщицы и пр. Суицидальный риск для представителей этой сферы деятельности весьма высок; так, если риски оцениваются в баллах от 1 до 10, то, к примеру, у музыкантов он составляет приблизительно 8,5 балла [24].

Разговор идёт о молодых людях, среди которых немало тех, кого в культурном смысле не только коснулась, но увлекла так называемая вестернизация; конечно, о них нельзя сказать, что они выпали из контекста китайской культуры, но они, возможно, лучше знакомы с мировой культурой. О последнем свидетельствует в частности и то, что Тяньтянь в очередной раз уезжая в Ханькоу, взял с собой сборник избранных стихотворений Дилана Томаса¹⁰, дневник Сальвадора Дали, сборник фильмов Хичкока.

Молодые люди ведут активную, можно сказать, светскую жизнь, не лишённую богемного флёра, поскольку и сами не лишены творческого

начала. Они любят всякие тематические вечеринки, в том числе на природе или в модных, реанимирующих по возможности обстановку 30-х годов прошлого века, кафе и ресторанах.

У каждого суицида пренебрежимо есть свои особые основания, и у каждого самоубийцы есть свои провоцирующие черты личности. Что касается Тяньтяня, то у молодого человека в детстве произошла семейная трагедия. Отец Тяньтяня во время поездки с целью проведать жену (уехавшую в Испанию зарабатывать деньги и на паях с одним местным жителем открывшей в испанской провинции ресторанчик) внезапно умер от инфаркта, как было сказано в медицинском заключении. Но его мать, бабушка Тяньтяня была маниакально убеждена, что его убили с целью облегчить женщине натурализацию в стране пребывания, лишив её семейных уз. Бабушка была в таком психическом состоянии, что подросток не мог и не хотел находиться вместе с ней. От шока он даже онемел (в прямом смысле – он действительно некоторое время просто не мог говорить), и по этой причине бросил школу. Однако самостоятельно много читал, смотрел кинофильмы. Он рисовал, и у него очень неплохо получалось: друзья даже предлагали ему устроить выставку, футболки, расписанные им, хорошо продавались в университетском парке, а мать, приехавшая в Китай со своим новым мужем – испанским патрнёром открывать испанский ресторан, доверила ему оформлять один из залов. В возрасте 24 лет он влюбился в Коко, они начали вместе жить, но тут выяснилось, что, опять же по причине перенесённого шока, юноша импотентен. Их страстная и одновременно нежная любовь с Коко, что называется, не имела полного физиологического завершения. Но, как пишется в романе, «в сознании любого мужчины сексуальная состоятельность равна по значимости самой жизни» [6, с. 5]. Всё было бы ничего, и, казалось, они справились с ситуацией, приспособившись к обстоятельствам, но Коко не выдержала воздержания и вступила в половую связь с немцем – менеджером филиала немецкой компании, при этом и в мыслях не представляя расстаться с Тяньтянем, чувствуя с ним трогательную душевную близость. Не исключено, что сложность взаимоотношений с Коко подтолкнула Тяньтяня к более активному пользованию наркотиками, что было нередким явлением в их богемной среде. Все попытки Коко помочь Тяньтяню преодолеть сначала половое бессилие [5, с. 106], а затем и наркозависимость [5, с. 200] к результатам не привели. К тому же его школьная подруга по легкомыслию сообщила ему о любовной связи Коко (не исключено, что он и сам догадывался об этом, несмотря на все стремления Коко не причинять ему боль). Известно, что одной из основных проблем взаимоотношений молодёжи со сверстниками, особенно противоположного пола, является чрезмерная зависимость от другого человека, что возникает обычно в качестве компенсации плохих отношений со своими родителями, из-за постоянных конфликтов и отсутствия контакта с ними. В этом случае часто бывает, что отношения с другом или подругой становятся столь значимыми и необходимыми (по типу «я не могу жить без тебя»), что любое охлаждение в привязанности,

а тем более измена, уход к другому воспринимается как невосполнимая утрата, лишаящая смысла дальнейшую жизнь [23]. И подобную зависимость Тяньтяня от их взаимоотношений героиня романа неоднократно ощущала, да и он сам не стеснялся об этом говорить. Коко признавала, что их «любовь была такой беззаветной, что ни один не мог покинуть другого», сознавая, с другой стороны, что они «были самой обречённой парой влюблённых из живущих на земле» [5, с. 105]. И в один критический момент Тяньтянь покончил с собой передозировкой наркотиков.

Попытка самоубийства Коко – это другая история. Героиня романа родилась в интеллигентной семье, у неё был крепкий тыл: очень любящие её родители (папа – профессор в университете, специалист по средневековой истории Китая, мама – примерная мать и жена). Девочка росла послушным ребёнком и очень хорошо училась. Но «в дни мятежной юности» она вошла в компанию молодёжи, образовавшейся вокруг нескольких рок-групп¹¹, выступавших в окрестностях университета, и вела свойственной этому сообществу образ жизни, который «нормальные» люди называли бы развратным и разгульным [4, с. 91]. Этот период следования стереотипам молодёжного группового поведения определённого слоя «нового-нового» поколения китайцев тяжело переживался родителями Коко, но они пытались, любя, понимать дочь. Изредка, тем не менее, мать восклицала: «Нам только остаётся сидеть и ждать, до чего ты ещё докатишься. Мне даже кажется, что ты мне не родная дочь» [6, с. 17]. Однако их любовь не только согревала, «но и ещё сильнее угнетала» Коко [4, с. 176]. При всём своём уважительном и сердечном отношении к родителям дочь не могла «пренебрежительно не думать о старших как о старомодных людях» [6, с. 17]. На утверждения отца, что «самое главное в жизни – размеренность, стабильность и реализм», она говорила: «У нас совершенно разные представления. Наши поколения разделяет пропасть длиною в век» [6, с. 18]¹². Тематика научных исследований отца её интересовала мало, а компания его студентов и аспирантов (так же, как и отец Коко, поглощённых вопросами средневековой истории Китая) оценивалась ею крайне пренебрежительно. И, вероятно, по этим причинам Коко редко принимала к источнику родительской любви и стабильности. После окончания шанхайского университета Коко стала «многообещающей журналисткой» в солидном издании (куда её по протекции устроил отец), брала интервью у иностранных бизнесменов, ездила в командировки (например, в Гонконг). Она гордилась тем, что «готовила интервью и материалы, следуя законам беллетристики, лихо закручивая сюжет и пользуясь таким необычным языком, что вымысел казался правдой и наоборот» [5, с. 27]. Затем появилась в одном из модных журналов её новелла («Любовники в подземке»), не прошедшая мимо внимания критики и вызвавшая «бурную и неоднозначную реакцию среди эмансипированных читательниц» [5, с. 246]; а потом был опубликован и целый сборник новелл, называвшийся «Вскрик бабочки», и «все шёпотом обсуждали эту шокирующую вещь». Одни считали, что сборник производит «удивительное», «гипнотическое действие, особенно на образованную

читательскую аудиторию» [5, с. 242], «бывали случаи, когда в магазинах студенты попадались на краже книги» [5, 93]. Однако с точки зрения других, «такое произведение не годится для молодёжи», автор «зашла слишком далеко». Вероятно, эта точка зрения оказалась весомее, и книгу после распродажи первого тиража в несколько тысяч экземпляров вторым не напечатали. Но читательская почта была обширна, хотя нередко несколько шокирующего содержания (преимущественно мужчины восприняли героиню отражением подлинного авторского «я», и их письма были полны в лучшем случае эротических высказываний и предложений). Но, так или иначе, в результате, её финансовые ожидания от этой публикации не оправдались [5, с. 94]. Что касается её личной жизни, то она жила в «упоении собственными чувствами». Но в какой-то момент «из-за творческого кризиса» и «ошеломившего» её «открытия, что тогдашний жених оказался связан с китайской мафией», впала в депрессию и попыталась покончить жизнь самоубийством, перерезав себе вены [4, с. 25].

Затем она довольно резко переменяла свою жизнь, уйдя работать официанткой в модное, оформленное под стиль 30-х годов кафе (самостоятельность, самодостаточность были для неё очень существенны), где и познакомилась с Тяньтянем. Через некоторое время после переезда к Тяньтяню она оставила по его настоянию работу и полностью отдалась написанию романа, к чему её призывали не только друзья, но и её литературный агент, и издатель сборника её новелл, заранее предрекая успех. (Свой очередной стресс она будет снимать при помощи буддийского монаха, но это уже иная история.)

Ещё в XIX веке французский социолог Эмиль Дюркгейм в своём исследовании «Самоубийство» определял вероятность суицида тем, насколько человек привязан к таким социальным группам, как семья, религиозные институты и общество. Чем сильнее связи человека с этими группами, тем ниже вероятность суицида [13, с. 115]. Оба молодых человека, о которых шла речь выше, либо были в силу обстоятельств оторваны от семьи (Тяньтянь), либо предпочитали сохранять дистанцию в отношениях с родителями (Коко). Само сообщество, в котором протекала их жизнь, состояло в силу его специфики из весьма атомизированных особей, скреплённых скорее времяпрепровождением, чем чем-либо иным. Да, в Китае начали функционировать службы, которые оказывали, в том числе и психологическую помощь нуждающимся в этом. Так, Коко ходила к психоаналитику (который имел не только постоянную приёмную, но и «подрабатывал в юношеском центре») [19, с. 49]; Тяньтянь обращался в специальное медицинское учреждение с проблемой импотенции (Центр репродуктивного здоровья, где ему предложили курс психотерапии, поскольку его проблемы носили чисто психологический характер), позже он пытался избавиться от наркотической зависимости в специальном центре при Бюро общественной безопасности. (Уже и в школах КНР, правда, только в 2004 году началась кампания по оказанию психологической поддержки, в том числе школьникам: в средних учебных заведениях вводится система собеседований психологов с учащимися [13, с. 110].)

В мире с начала прошлого века данной проблемой – добровольным уходом из жизни – стали заниматься не только психиатры, поскольку причину общемировой тенденции роста уровня самоубийств стали видеть, прежде всего, как следствие нестабильности и стрессогенности социально-экономических процессов; более глубоко осознавая растущую сложность человеческой жизни, стали признавать, что суицид является чем-то большим, чем частное, личное решение: это болезнь цивилизации [8]. Однако до сих пор продолжает бытовать заблуждение относительно личности решившихся покончить счёты с жизнью: де это слабые, а то и душевно больные люди. В реальности, как это давно показали суицидологические исследования, количество душевнобольных среди самоубийц не превышает их числа среди тех, кто умирает своей смертью. То есть суицид, в большинстве случаев, никак не связан с психическим расстройством. Часто среди суицидентов – люди вовсе не стремящиеся к смерти, они просто не могут жить дальше; они – психически здоровые люди, но попавшие в сложное положение и не нашедшие из него выхода, как в силу своих личностных особенностей, так и окружающей среды¹³ [23].

Социальное, по мысли Дюркгейма, может быть с успехом выявлено в заведомо самом индивидуальном. Всё, вплоть до выбора между продолжением жизни или сведением счётов с ней, оказывается управляемым и формируемым социальными силами. «Так как единственными элементами, из которых состоит общество, являются индивиды, то первоисточник социологических явлений может быть только психологическим. Рассуждая таким образом, можно также легко доказать, что биологические явления аналитически объясняются явлениями неорганическими» [9, с. 493].

Книга Э. Дюркгейм «Самоубийство» вышла в 1897 году. После её выхода термин «суицид» вошёл в профессиональный жаргон (хотя сам термин появился ещё в XVII веке [24]). Выводы, сделанные Дюркгеймом относительно социальных причин самоубийства психически здоровых граждан, ныне хрестоматийны. Как и другие виды девиантного поведения, считал он, самоубийство свидетельствует о глубоких противоречиях во взаимоотношения индивида и общества.

Предвижу несогласие с моим видением приведённых в романе (и потому что именно в романе – тоже) случаев суицида как результата «безнормности», неурегулированности целей и ожиданий и частью того, что у Дюркгейма носит название принудительного разделения труда, то есть несправедливое распределение законных возможностей. Сама теория Дюркгейма и в научном мире является объектом «восхищения для одних, раздражения и даже ожесточения для других» [1, с. 563]. Но наряду с другими школами и направлениями в любом случае дюркгеймовская социологическая традиция, сосуществуя с ними, продолжает сохранять свою актуальность, особенно применительно к обществам, переживающим радикальные социальные изменения [26]. При так или иначе упорядоченном мире в нём всегда существует чёткая иерархия, каждый человек занимал своё место. При резких социальных сдвигах «пирамида» общества

переворачивается, а новое ещё не создано, поэтому у отдельного человека возникло чувство одиночества и дискомфорта [31].

Китайские учёные в последнее время (в общем-то – в последнее десятилетие) активно разрабатывают социально-психологические проблемы в современном обществе, различные аспекты суицида и суицидального поведения в связи с резким ростом количества людей, страдающих от стресса, эмоционального и психологического дискомфорта, что обусловлено ускорением темпа жизни, многочисленными противоречиями между новыми и традиционными представлениями и нормами, стереотипами поведения и мышления. Наибольшей остротой характеризуются проблемы семьи и брака, включающие отношения между супругами, родителями и детьми, представителями разных поколений [13, с. 108]; выявляются этнические особенности психолого-педагогической поддержки молодых людей, склонных к суициду; анализируются этапы самоубийств среди молодёжи в соответствии с их эмоциональными переживаниями [16].

Примечания

¹ Заведующий кафедрой криминальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета С. Ениколопов утверждает, что россиянин «агрессивнее среднего европейца» [33, 25.11.08].

² Как говорит один английский раввин, и поныне «слово „суицид“ обычно произносится шёпотом, оно не подходит для любой компании. Семья и друзья часто притворяются, что не слышат этого ужасного слова, даже когда оно принесено. Дело в том, что суицид – это предмет табу, которым отмечена не только жертва, но и оставшиеся в живых». Он же приводит слова известного суицидолога Эдвина Шнейдмана: «Суицидальный человек помещает свой психологический скелет в шкаф у оставшихся в живых близких» [8].

³ Автор, прежде всего, ставит в один ряд произведения Фёдора Достоевского и Венедикта Ерофеева, роман которого является прежде всего гимном алкоголизма и матерщины для немалого количества читателей России. Но автор цитируемой статьи утверждает, что русский литературно-философский модерн открылся «Записками из подполья» (1864), а начал закрываться «Москвой–Петушками» (1969), то есть то самое «матерно-алкоголическое» произведение В.Ерофеева ставится знаковым этапом в культурной жизни России. «В обеих [произведениях] предстаёт история русского самосознания в его по-веберовски „идеально-типических“ и по-русски „заголённо-обнажённых“ вариантах», это – своеобразные авторепортажи из тёмных, подвальных глубин русской души, из бездонного „колодца“ страждущего человеческого „я“. Одновременно читатель „записок“ слышит голоса, раздающиеся из глубинных бессознательно-сознательных слоев того культурного мира, того *габитуса*, в который погружены как авторы новелл, так и их герои. Различаются же эти два художественно-философских этюда, прежде всего тем, что пребывают они в двух весьма несхожих точках хронотопа» [5, с. 186].

⁴ Ныне плохое обращение со стариками фиксируется в КНР медицинскими, социальными службами, средствами массовой информации. Народные суды всё чаще рассматривают иски престарелых граждан к своим взрослым детям, отказывающим им в помощи и уходе. Безразличие, невнимание и даже жестокость

по отношению к пожилым людям проявляются в различных формах (физическое, психологическое и материальное унижение; см. [20, с. 123]).

⁵ Из одного миллиона человек, кончающих в мире ежегодно жизнь самоубийством, 350 тысяч – китайцы, и таким образом Китаю принадлежит первое место, но это – в количественном измерении. Китай в процентном отношении находится почти в середине списка стран со средним уровнем самоубийств (от 10 до 20 человек на 100 тысяч населения), где лидирует Франция (18 человек на 100 тысяч), затем Молдова (17), Китай (14) и далее по убывающей (до 11 человек) Германия, Канада, Австралия и США. Лидируют в мире по количеству самоубийств: Литва (42), Белоруссия (37), Россия (36), Казахстан (30), Венгрия (28,5), Латвия (26), Украина (25), Япония (24). В группе стран с низким показателем в этой сфере на первом месте Италия (7), затем идёт Англия с таким же показателем, Израиль (6), Греция (3), Грузия (2), Армения (2), Азербайджан (1). Считается, что существуют этнические группы, более предрасположенные к суициду; лидирующей в этой сфере некоторые исследователи называют угро-финскую группу (будь то жители Удмуртии, Венгрии или Финляндии). А есть страны, где показатель суицидального риска почти нулевой – в Египте, Гаити и на Ямайке. Что касается уровня жизни, то одна из самых высокоразвитых и богатых стран Европы – Швеция на протяжении десяти лет была лидером по числу суицидов [24].

⁶ Многие государства стремятся скрыть цифры статистики самоубийств от своих граждан. Например, в странах соцлагеря статистика самоубийств была вообще засекречена. Это прекрасно иллюстрируется на примере ГДР в немецком фильме «Жизнь других», получившем премию «Оскар» в 2007 г. в номинации «Лучший иностранный фильм». Госкомстат СССР опубликовал данные по самоубийству только в 1989 г. И действительно было что скрывать – если царскую Россию можно было отнести к странам с невысоким уровнем самоубийств, то после октябрьской революции и гражданской войны число суицидов резко возросло. Так, в 1926 г. в Москве и Питере уровень самоубийств на 100 тысяч составлял 42 среди мужчин и 20 среди женщин (и это только по официальной статистике). Далее – высокий уровень самоубийств был отмечен в 1937-м и в 1947-м гг. Затем последовал некоторый спад во время хрущёвской «оттепели», с последующим ростом вплоть до 1984 г. (39 человек на 100 тысяч), когда страна занимала по числу самоубийств второе место в мире, уступая только Венгрии. Во время перестройки уровень самоубийств резко упал (до 23 человек на 100 тыс.), но, начиная с 1988 года, вновь стал расти, и в 1994-м количество самоубийств возросло чуть ли не вдвое [24].

⁷ По утверждению специального корреспондента журнала «Огонёк» в Китае, «несмотря на всю явную и скрытую национальную специфику, связанную с высокой степенью бюрократизации быстро развивающейся рыночной экономики, понятие „средний класс“ постепенно распространяется в прежде аскетическом Китае». «Этот новый слой ломает прежние категории классового общества, в котором существовали только рабочие, крестьяне, военнослужащие и кадровые работники, облачённые в синие, серые и зелёные *дань* – своего рода спецовки. А все остальные относились к буржуазии и по определению подлежали „вычищению“» [10, с. 15].

⁸ Дюркгейм (Durkheim) Эмиль (1858–1917) – французский философ, педагог и социолог, основатель французской социологической школы.

⁹ Напомним, что это город КНР, являющийся геоэкономическим лидером страны, исторически сложившимся крупным научным и образовательным центром,

город, для которого практически всегда связи с другими частями страны имели гораздо меньшее значение, чем с зарубежными партнёрами (столичность же Пекина определяла его традиционную ориентацию на первоочередное обеспечение внутрикитайских связей). Шанхай – город, который со второй половины XIX в. вынужден был стать открытым для иностранцев, и на территории Шанхая возникли сэттльменты Англии и США, французская концессия. Это город в большей степени подвержен воздействию глобализации в модели потребления и в стиле жизни [15].

¹⁰ Thomas, Dylan (1914–1953) – английский поэт, творческое наследие которого живо в современной мировой культурной среде; его стихи и проза поныне переводятся на различные языки при всей сложности его произведений [29].

¹¹ Есть точка зрения, что вообще интерес китайцев к иностранной музыке весьма консервативен. «В стране, конечно, есть прослойка рокеров 1980-х – тех, что выходили на площадь Тяньаньмэнь... В отличие от попсы, которая процветает в „своем“ варианте, рок-музыка в Китае не интересует ни слушателей, ни спонсоров. Рок в Китае коммерчески не успешен – в отличие от России. Там с роком вообще уникальная ситуация: никто его особо не запрещает, но он никому и не интересен» [11]. Однако в романах идёт речь о весьма специфическом слое китайской молодёжи.

¹² Вместе с изменением структуры китайской семьи растёт и пропасть между родителями и детьми в представлениях о жизненных ценностях и образе жизни. Именно поэтому современные молодые супружеские пары, а также добившиеся самостоятельности молодые люди стремятся жить отдельно от родителей. Происходящие структурные изменения в китайском обществе напрямую воздействуют на традиционную структуру и межпоколенческие взаимоотношения, естественно, в каждом социальном слое по-разному [14, с. 67].

Литература

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
2. Бачинин В.А. «Петербург–Москва–Петушки», или «Записки из подполья» как русский философский жанр // *Общественные науки и современность*. 2001, № 5.
3. Вахтин Б.Б. Предисловие // Юэфу (из древних китайских песен). М., 1959.
4. Вэй Хой. Замужем за Буддой. М., 2006.
5. Вэй Хой. Крошка из Шанхая. М., 2006.
6. Вэй Хуй. Шанхай баобэй (Бэби из Шанхая). Чэньян, 1999.
7. Головачёв В.Ц. Самоубийство как обычай и ритуал в традиционном Китае // *Этножурнал* (ru.wikipedia.org/wiki/Самоубийство).
8. Гроллман Э. Суицид: превенция, интервенция, поственция // www.krotov.info/libr_min/g/gorgey/groll_01.html
9. Дюркгейм Э. Общественное разделение труда. Метод социологии. М., 1991.
10. Кириллов А. Ганьбу и другие // *Огонёк*. 2007, № 35.
11. Лагутенко И. Это не рок-эн-ролл, это – Китай // *Огонёк*. 2007, № 27.
12. Ланда Г. Социология современного Востока. М., 2006.
13. Почагина О. Проблемы суицида в современном Китае // *ПДВ*. 2005, № 2.
14. Почагина О.В. Социокультурные и социопсихологические аспекты старения населения в КНР // *Проблемы Дальнего Востока*. 2003, № 3.

15. Самбурова Е. Политика урбанизации в Китае // <http://www.adbi.org/enewsline/index>
16. Филиппова В.П. Педагогическая поддержка российских и китайских студентов, склонных к суицидальному поведению (автореф. канд. пед. н.). Чита, 2007. // www.zabspu.ru/science/files/0049
17. Хэ Цинлянь. Данцянь Чжунго шэхуй цзегоу яньбяньдэ цзунтинсин фаньси (Комплексный анализ изменений социальной структуры современного Китая) // Чжэнмин, 2000. № 8.
18. Иностранная литература, 2008, № 10.
19. Minino A.M, Arias E., Kochanek K.D., Murphy S.L., Smith B.L. Deaths: final data for 2000 // National Vital Statistics Reports, 50(15).
20. Wang Laihua, Bai Hongguang. Safeguarding the Lives of the Elderly and Their Dependence on the Community // Social Sciences in China. 2000, Spring. P. 123.

Интернет-ресурсы

21. www.chinanews.ru/news/society/1554-11092008.html.
22. www.epochtimes.com.ua/ru/articles/view/4/9048.html.
23. www.kolledge.ru/cyizid.htm.
24. www.lossofsoul.com/DEATH/suicide/
25. www.neuch.ru/referat/34051.html.
26. www.old.russ.ru/journal/kniga/98-10-19/aref.htm.
27. www.psychosor.org/1998/26/3-1.php.
28. www.psychotherapy.by/index.php?module=articles&c=articles&b=1&a=48.
29. www.ru.wikipedia.org/wiki/Дилан_Томас.
30. www.ru.wikipedia.org/wiki/Самоубийца.
31. www.sapr.mgsu.ru/biblio/arxitekt/archstyle/romantizm.htm.
32. www.shulenina.narod.ru/Classiki/Komer/07.html.
33. www.Svobodanews.ru.
34. www.violakey.narod.ru/Archive/News/02Dec02.html.